

Г. П. МОИСЕЕВА

М. М. ЩЕРБАТОВ И Н. М. КАРАМЗИН
(Записка «О повреждении нравов в России»)

В 1803 г. Н. М. Карамзин получил официальное звание историографа, которое давало ему возможность всецело заниматься изучением исторических источников, послуживших основой его многотомной «Истории государства Российского».

Н. М. Карамзин был подготовлен к работе над русской историей. Уже в раннем его произведении — «Письмах русского путешественника» (1791—1792) — можно увидеть не только интерес к истории, русской и европейской, но и стремление осмыслить исторический процесс, понять роль государственных деятелей, стоящих у верховной власти.

Значительное место в исторических экскурсах молодого Карамзина заняла оценка государственной деятельности Петра I. В «Письмах русского путешественника» он выразил свои мысли, возникшие при рассмотрении в Париже бронзовой статуи Людовика XIV: «Среди большой площади, украшаемой густыми аллеями и со всех сторон окруженной великолепными домами, стоит на мраморном подножии бронзовая статуя Людовика XIV, такой же величины, как монумент нашего российского Петра, хотя сии два героя были весьма не равны в великости духа и дел своих. Подданные прославляли Людовика: Петр прославлял своих подданных — первый *отчасти* (курсив Н. М. Карамзина, — Г. М.) способствовал успехам просвещения: второй как лучезарный бог света явился на горизонте человечества и осветил глубокую тьму вокруг себя — в правление первого тысячи трудолюбивых французов принуждены были оставить отечество; второй привлек в свое государство искусных и полезных чужеземцев — первого уважали как сильного царя: второго почитаю как великого мужа, как героя, как благодетеля человечества, как моего собственного благодетеля».¹

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. СПб., 1887, т. II, с. 46—47.

Встреча Н. М. Карамзина с французским историком П.-Ш. Левеком послужила поводом для высказывания его о необходимости составления русской истории: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, то есть, писанной с философским умом, с критикою, с благородным краспоречием... Говорят, что наша история сама по себе менее занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант... все черты, которые означают свойство народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий — Владимир; свой Лудовик XI — царь Иоанн; свой Кромвель — Годунов и еще такой государь, которому нигде не было подобных — Петр Великий».² Н. М. Карамзин пишет о французском историке Левеке так: «Всего же более не люблю его за то, что он унижает Петра Великого». Левек, как говорит далее Н. М. Карамзин, упрекал Петра I в том, что он «подражал другим народам». Н. М. Карамзин полностью оправдывает действия русского царя, который «хотел просветить ум во всех отношениях... Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их (иностранцев, — Г. М.). Все жалкие *иеремиады* (курсив Н. М. Карамзина, — Г. М.) об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиогномии, или не что иное как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении».³

Приступая в 1803 г. к написанию «Истории государства Российского», спустя более чем 10 лет после «Писем русского путешественника», Н. М. Карамзин, как это можно видеть, имел уже собственные представления о русском историческом процессе и, в частности, о роли Петра I, деятельность которого определила характер «новой эпохи».

В Предисловии к «Истории государства Российского» он намечает периодизацию исторического процесса: «...история наша делится на древнейшую — от Рюрика до Иоанна III, на среднюю — от Иоанна до Петра, и новую — от Петра до Александра».⁴ Болезнь и смерть помешали Н. М. Карамзину полностью осуществить свою первоначальную задачу. Последний, XII том «Истории государства Российского» заканчивается, как известно, убийством Прокопия Ляпунова и описанием бедственного положения России в 1611 г. В бумагах Н. М. Карамзина сохранились перечни источников для продолжения двенадцатого тома. Они охватывают период Смутного времени до воцарения Михаила Романова.⁵

² Там же, с. 146—147.

³ Там же, с. 149—150.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. 4-е изд. СПб., 1833, т. I, с. XXIV.

⁵ *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. М., 1866, ч. II, с. 282—310.

Занимаясь работой над «древнейшей» и «средней» историей, Н. М. Карамзин упорно размышлял и над «новой», постоянно собирая материалы о событиях и людях XVIII в. В июне 1815 г. Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Граф Воронцов давал мне читать письма Безбородки к графу Александру Романовичу о временах Екатерины и Павла... Тут есть кое-что о Маркове, Мятлеве, Державине. Вообще любопытно».⁶ В письме к И. И. Дмитриеву от 27 ноября 1823 г. он сообщал: «Я читаю теперь дела времен императрицы Анны. Передо мною большой сундук. Ужасно!»⁷ А. Ф. Малиновского он спрашивал: «Известна ли Вам биография кн. Дашковой? Я достал экземпляр, но так худо переписанный, что тяжело читать».⁸ Письмо датировано 13 июня 1819 г. Мемуары Е. Р. Дашковой хранились в библиотеке ее племянника М. С. Воронцова и впервые были напечатаны в 1857 г. А. И. Герценом в издании Вольной печати в Лондоне. Мемуары Е. Р. Дашковой относились к потаенной литературе, которая преследовалась официальными властями. В том же 1819 г. Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву о том, что он «читал выписки из Записок Храповицкого», «любовные письма» Екатерины II к З. Г. Чернышеву, записки испанского посла де Лирия о Петре II, об императрице Анне Иоанновне: «Как любопытно! Вижу перед собой и Долгоруких, и Голицыных, и Бирона, и Остермана. Этот манускрипт почти никому неизвестный».⁹

4 мая 1822 г. Н. М. Карамзин сообщил И. И. Дмитриеву: «Нынешнюю зиму читал я Записки Екатерины Великой, доведенные ею только до 1760 года: очень, очень любопытно!.. Если приедешь к нам в Петербург, то угостим тебя и Записками Екатерины. Недавно достал я Брюса, который описывает смерть царевича Алексея Петровича: он сам был послан за лекарством, которое отправило царевича на тот свет».¹⁰ В письме от 19 мая того же года Н. М. Карамзин рассказал И. И. Дмитриеву о пути попадания к нему потаенных мемуаров Екатерины: «Записки Екатерины у нашего любезного Тургенева; но прошу об этом не говорить. Он хранит их, как зеницу ока, и таит, списав с экземпляра Куракинского».¹¹

Таким образом, к началу 20-х гг. XIX в. Н. М. Карамзин собрал значительное количество дневников и записок, в которых были материалы о русской истории XVIII в. Историограф хорошо понимал цену этих источников, содержащих сведения, которые не могли попасть в печатную книгу того времени.

В Предисловии к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин писал о принципиальном различии исторических источ-

⁶ Там же, с. 316.

⁷ Там же, с. 315.

⁸ Письма Н. М. Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому. М., 1860, с. 42.

⁹ *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин..., ч. II, с. 315.

¹⁰ Там же, с. 315.

¹¹ Там же.

ников для «древнейшей» и «средней» истории (до конца XVII в.) и «новой» (XVIII в.): для первых — летописи, хронографы, дипломатические акты, жития святых, родословные книги, статейные списки, древние монеты, медали, надписи, сказки, песни, поговорки;¹² для последней, начинающейся, по словам Карамзина, «только с Петра Великого... словесные предания: мы слышали от своих отцов и дедов о нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елизавете многое, чего нет в книгах».¹³

Но откуда же Н. М. Карамзин почерпнул материалы по истории XVIII в., которые он отразил в своей записке «О Древней и Новой России», написанной им в конце 1810 г. и поданной через великую княгиню Екатерину Павловну в начале 1811 г. Александру I? В «Записке», начинающейся обзором истории «Древней России» (до конца XVII в.) и в этой части прямо связанной с его работой над «Историей государства Российского», нашла отражение и история XVIII в., с Петра I до начала царствования Александра I. Н. М. Карамзин родился в Симбирске (ныне Ульяновске) в 1766 г. в семье небогатого помещика.¹⁴ Никакими «семейными словесными преданиями» о Петре I, Петре II, Анне Иоанновне, Елизавете Алексеевне и Екатерине II он располагать не мог, так как из его близких родных ни по отцу, ни по рано умершей матери никто не служил при дворе.

Естественно предположить, что Н. М. Карамзин располагал каким-то источником, в котором содержались колоритные, подчас компрометирующие характеристики русских монархов XVIII в. и их фаворитов. При этом в глазах историка этот источник имел авторитетное значение.

Ниже на материале мы покажем, что этим источником явилось рукописное сочинение историка и публициста XVIII в. М. М. Щербатова, автора записки «О повреждении нравов в России».

Вспомним о восторженном отношении Н. М. Карамзина к преобразовательной деятельности Петра I, которое нашло выражение в «Письмах русского путешественника». В записке «О Древней и Новой России» можно видеть совершенно противоположную оценку «Петровых дел»: «Явился Петр... — пишет Н. М. Карамзин. — Он сквозь бурю и волны устремился к своей цели: достиг — и все переменилось. Сею целию было не только новое величие России, но и совершенное присвоение обычаев европейских... Но мы, россияне, имея пред глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного... Умолчим о пороках личных, но сия страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество го-

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского, т. I, с. XXVII—XXXV.

¹³ Там же, с. XVIII.

¹⁴ Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин..., ч. I, с. 1—16.

сударств, подобно физическому, нужное для их твердости... Искореняя древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце». ¹⁵

В записке «О повреждении нравов в России» М. М. Щербатов, сравнивая «нынешнее состояние отечества... с древними правилами», приходит к выводу о том, что главной причиной была «излишняя перемена Петром Великим учиненная», который, «подражая чужестранным народам, не токмо тщился ввести познание наук, искусств и ремесел, военное порядочное устройство, торговлю и приличнейшие узаконения в свое государство, также старался ввести и такую людкость, сообщение и великолепие, о коем ему сперва Лефорт натвердил, а потом которое и сам он усмотрел». ¹⁶

Обратим внимание на то, что Н. М. Карамзин также отмечает роль Лефорта в тех «переменах», которые Петр I ввел в России. «К несчастью, — пишет Н. М. Карамзин в записке «О Древней и Новой России», — сей государь, худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узнал и полюбил женевца Лефорта, который от бедности заехал в Москву и, весьма естественно, находя русские обычаи для него странными, говорил ему об них с презрением, а все европейское возвышал до небес. Вольные общества Немецкой слободы, приятные для необузданной молодости, довершили Лефортово дело, и пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию — Голландию». ¹⁷

Более кратко, по сравнению с М. М. Щербатовым, Н. М. Карамзин характеризует роль А. Д. Меншикова и Долгоруких в событиях 20—30-х гг. XVIII в. Однако близость взглядов историков несомненна и в описании восхождения на российский престол курляндской герцогини Анны Иоанновны, самодержавную власть которой «верховники» пытались ограничить «кондициями». Н. М. Карамзин написал, что «дочь Иоаннова, быв несколько дней в зависимости осьми аристократов, восприяла от народа, дворян и духовенства власть неограниченную». ¹⁸ М. М. Щербатов сообщил, как после восшествия на престол императрица Анна Иоанновна, не яко самодержавная, но яко подчиненная неким установлениям была коронована. ¹⁹ Однако «после коронации своей не столь стала наблюдаема, а потому о продолжении умыслу возвратить ей самодержавство удобнее известия получила, а Прокопович и Кантемир, сочиня челобит-

¹⁵ Карамзин Н. М. Записка «О Древней и Новой России». СПб., 1914, с. 22—24.

¹⁶ Сочинения князя М. М. Щербатова: Статьи историко-политические и философские. СПб., 1898, т. 2, с. 150—151.

¹⁷ Карамзин Н. М. Записка «О Древней и Новой России», с. 28.

¹⁸ Там же, с. 32.

¹⁹ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. — В кн.: Сочинения князя М. М. Щербатова, с. 186.

ную от всех граждан, на спех множеству недовольных дали ее подписать, и наконец вдруг в назначенный день, под предводительством князя Черкасского представ на аудиенцию к императрице, подали ей челобитную, по прочтении которой, яко снисходя на желание народное подписанные пункты были принесены, ею самую разобраны, она самодержавной учинилась».²⁰

Совершенно сходно Н. М. Карамзин и М. М. Щербатов охарактеризовали личность Бирона и его влияние на Анну Иоанновну. Н. М. Карамзин писал: «...злосчастная привязанность Анны к любимцу бездушному, низкому, омрачила и жизнь, и память ее в Истории. Воскресла Тайная канцелярия Преображенская с пытками... Бирон, не достойный власти, думал утвердить ее в руках своих ужасами: самое легкое подозрение, двусмысленное слово, даже молчание казалось ему иногда достаточною виною для казни или ссылки».²¹

Так же писал о Бироне и М. М. Щербатов: «Сей любимец ее Бирон, возведенный ею в герцоги Курляндские, при российском же дворе имеющий чин обер-камергера... был человек одаренный здравым рассудком, но без малейшего просвещения, горд, зол, кровожаждущ, и не примирительный злодей своим неприятелям... Правление императрицы Анны было строгое, а иногда и тираническое. За самые малейшие дела сажали в Тайную канцелярию, и в стене соделанные казармы петербургской крепости недовольны были вместить сих несчастных. Казни были частые».²²

Переходя к краткому описанию царствования на российском престоле дочери Петра I — Елизаветы Петровны, оба историка согласно пишут, что она была возведена «гренадерскою ротою Преображенского полку»,²³ «несколько пьяных гренадеров возвели дочь Петрову на престол величайшей империи в мире».²⁴ Далее оба говорят с похвалою о государственных деятелях — Остермане и Минихе, — сосланных в правление Елизаветы Петровны, об облагодетельствованных новою императрицей «малороссийском певчем» — Алексее Разумовском и семействе Шуваловых. И М. М. Щербатов, и Н. М. Карамзин считают, что «роскошь и сластолюбие» двора Елизаветы пагубно повлияли на общественные нравы.

М. М. Щербатов подробно описывает преемника Елизаветы — ее племянника Петра Федоровича, который «имел разум весьма слабый, но яко и помешанный, погруженный во все пороки: в сластолюбие, роскошь, пьянство и любострастие».²⁵ Н. М. Карамзин не останавливается на характеристике Петра III, но что именно такого же самого мнения о нем придерживался и он, сви-

²⁰ Там же, с. 186—187.

²¹ Карамзин Н. М. Записка «О Древней и Новой России», с. 33—34.

²² Щербатов М. М. О повреждении нравов в России, с. 189—190.

²³ Там же, с. 196.

²⁴ Карамзин Н. М. Записка «О Древней и Новой России», с. 34.

²⁵ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России, с. 222.

детельствует сообщение о перевороте, возведем на престол Екатерину II. Н. М. Карамзин пишет: «Новый заговор — и несчастный Петр III в могиле с своими жалкими пороками... Екатерина II была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России».²⁶

Говоря о супруге Петра III, Екатерине Алексеевне, которая «взошла с низвержением его на российский престол», М. М. Щербатов, так же как и Н. М. Карамзин, говорит о тех ее качествах, благодаря которым она «достойна править толь великой империей... одарена довольной красотой, умна, обходительна, великодушна и сострадательна по системе, славлюбива... предприятельна и некое чтение имеющая».²⁷ Далее опять удивительное сходство в характеристике «пороков» самой Екатерины II.

М. М. Щербатов пишет: «...ее пороки суть: любострастна, и совсем вверяющаяся своим любимцам, исполнена пышности во всех вещах, самолюбива до бесконечности, и не могущая себя принудить к таким делам, которые ей могут скуку наводить, принимая все на себя, не имеет попечения о исполнении и, наконец, толь переменчива, что редко и один месяц одинакая у ней система в рассуждении правления бывает».²⁸

«Но согласимся, — пишет Карамзин в записке «О Древней и Новой России», — что блестящее царствование Екатерины представляет взору наблюдателя и некоторые пятна... Екатерина — великий муж в главных собраниях государственных — являлась женщиною в подробностях монаршей деятельности: дремала на розах, была обманываема или себя обманывала; не видала, или не хотела видеть многих злоупотреблений, считая их, может быть, неизбежными и довольствуясь общим успешным, славным течением ее царствования».²⁹

На этом сопоставление записок Н. М. Карамзина и М. М. Щербатова заканчивается. М. М. Щербатов умер в декабре 1790 г. Екатерина II правила еще 6 лет.

В записке «О Древней и Новой России» Н. М. Карамзин написал о кратком царствовании Павла I и о его насильственном устранении с престола, а также о первых девяти годах правления Александра I. В этой самой значительной части записки Н. М. Карамзин выступает как современник событий, строгий и взыскательный критик тех государственных мероприятий, которые были предприняты в начале царствования молодого Александра I. Именно этой части записки «О Древней и Новой России» в основном касались исследователи, анализируя, например, отношение Н. М. Карамзина к реформе М. М. Сперанского, к преобразованию Сената, учреждению министерств и др.³⁰

²⁶ Карамзин Н. М. Записка «О Древней и Новой России», с. 36.

²⁷ Щербатов М. М. О повреждении прав в России, с. 226.

²⁸ Там же, с. 226.

²⁹ Карамзин Н. М. Записка «О Древней и Новой России», с. 39—41.

³⁰ Шыгин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Пг., 1918, с. 142—201.

Нас же интересует в первую очередь та часть записки «О Древней и Новой России», которая относится к характеристике русских царей и цариц XVIII в., включая Екатерину II. В оценке их личных качеств и роли в истории Н. М. Карамзин непременно должен был опираться на материал, который не мог быть почерпнут из официальной историографии.

Та близость в обрисовке исторических личностей, какую мы наблюдали при сопоставлении записки «О Древней и Новой России» и записки «О повреждении нравов в России», раскрывает использование Н. М. Карамзиным рукописного сочинения историка XVIII в. М. М. Щербатова, хорошо осведомленного в политической истории России XVIII в. и в потаенной истории дворцовых переворотов того времени. Нельзя забывать, что Щербатов был одним из наиболее компетентных знатоков русских государственных архивов. В его распоряжении в течение многих лет был Кабинет Петра I, он был редактором и издателем «Поденного журнала Петра Великого» (СПб., 1770—1771) и его «Записным тетрадам всяким, письмам и делам» (СПб., 1774—1776). Н. М. Карамзин, широко и критически использовавший в «Истории государства Российского» «Историю российскую от древнейших времен» М. М. Щербатова,³¹ несомненно представлял, что наибольшая компетентность его предшественника относится не к древнейшему периоду русской истории, а к эпохе царствования Петра I и его наследников. Не случайно, очевидно, записка М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» смогла оказать столь серьезное воздействие на Н. М. Карамзина, что под влиянием этого трактата, оппозиционного по отношению к официальной историографии XVIII в., решительно изменился взгляд самого Н. М. Карамзина на общую оценку деятельности Петра I.

Мы помним, что в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзин видел в Петре I величайшего героя, «которому нигде нет подобных», он осуждал французского историка Левека за то, что тот упрекал русского царя в подражании «другим народам». В записке «О Древней и Новой России» Н. М. Карамзин считает решительно вредным «присвоение обычаев европейских», намекает на «пороки личные» царя и его ближайших сподвижников, почти в одних и тех же выражениях, как и М. М. Щербатов в записке «О повреждении нравов в России». Само «повреждение нравов», приведшее к тяжким общественно-политическим последствиям, Н. М. Карамзин, как и М. М. Щербатов, начинает с характеристики царствования Петра I.

Сопоставление записки «О повреждении нравов в России» с запиской «О Древней и Новой России» приводит к выводу не только о тематическом сходстве (в пределах до конца 80-х гг. XVIII в.), но и о близости словоупотребления.

³¹ Строев П. М. Ключ к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. М., 1836, ч. I, с. 380—381.

Анна Иоанновна «...списходя на желание народное... самодержавной учинилась».

Анна Иоанновна «...восприяла от народа <...> власть неограниченную».

Елизавета Петровна на российский престол «...была возведена грендерскою ротою».

«...несколько пьяных грендеров возвели дочь Петрову на престол величайшей империи в мире».

Петр III был «...погружен во все пороки».

«...несчастный Петр III в могиле со своими жалкими пороками».

Количество примеров можно было бы значительно увеличить, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться в том, что такое совпадение не может быть случайным и объясняется использованием Н. М. Карамзиным записки М. М. Щербатова «О повреждении прав в России».

Но, естественно, возникает вопрос: каким же образом мог Н. М. Карамзин в начале XIX в. ознакомиться с этим неопубликованным рукописным сочинением М. М. Щербатова?

Остановимся кратко на истории архива М. М. Щербатова, что поможет ответить на поставленный вопрос.

У М. М. Щербатова было два сына и шестеро дочерей.³² Старший сын Иван умер в 1789 г., за год до смерти отца. Второй сын — Дмитрий — имел единственного сына Ивана, который был связан с декабристскими кругами и умер в ссылке в 1829 г., не оставив потомства. Д. М. Щербатов имел двух дочерей: Наталью, вышедшую замуж за Ф. П. Шаховского, также декабриста, погибшего в ссылке, и Елизавету, оставшуюся незамужней. Старшая дочь М. М. Щербатова — Ирина — вышла замуж за генерала М. Г. Спиридова, Прасковья — за Ф. П. Щербатова, Наталья — за Я. Я. Чаадаева. О замужестве трех младших дочерей в родословных книгах сведений не сохранилось.

Известно, что после смерти М. М. Щербатова (12 декабря 1790 г.) Екатерина II дала предписание московскому генерал-губернатору А. А. Прозоровскому «постараться купить библиотеку и собрание покойного». А. А. Прозоровский уже в январе 1791 г. начал вести переговоры о покупке всего собрания рукописей и книг М. М. Щербатова с его сыном Д. М. Щербатовым и старшим зятем М. Г. Спиридовым. В середине 1791 г. Эрмитажное собрание Екатерины II пополнилось громадной коллекцией книг и рукописей М. М. Щербатова,³³ в числе которой был пергаменный «Изборник» 1076 г. из семейной библиотеки киевского князя Святослава Ярославича, потомками которого были князья Щербатовы.

³² О потомках М. М. Щербатова см.: *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886, т. I, с. 42—43.

³³ *Альшиц Д. Н.* Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв. М., 1968, с. 14—15.

Несмотря на настойчивое желание императрицы сосредоточить у себя все собрание М. М. Щербатова, наследники русского историка знали, что он «определил скрыться в моей фамилии». Сохранились записки праправнука М. М. Щербатова — Дмитрия Ивановича Шаховского, в которых имеются сведения о судьбе той части архива историка, которая осталась в семейном собрании.

Д. И. Шаховской пишет, что в 1791 г. «к императрице перешла вся фундаментальная библиотека Щербатова, но далеко не все его рукописи. По-видимому, сын покойного, Дм[итрий] Мих[айлович]... прекрасно знал, что далеко не все написанное отцом можно предоставить в распоряжение императрицы: сохранились рукописные следы его разбора рукописей после смерти родителя. Он привлек к совету мужа своей сестры генерала Матвея Спиридова и московского профессора Барсова и производил известный отбор рукописей. Таким образом, сразу произошло разделение архива: часть была передана двору, в личную библиотеку Екатерины, вошла в состав Эрмитажной библиотеки и разделила дальнейшую судьбу последней, другая — осталась в распоряжении сына».³⁴

Далее Д. И. Шаховской сообщает об оставшихся у потомков Д. М. Щербатова рукописях М. М. Щербатова: «Эта часть пережила благополучно пожар Москвы 1812 года и оставалась никем не использованной до начала пятидесятых годов XIX века в распоряжении двух родных внучек М. М. Щербатова — Елизаветы Дмитриевны Щербатовой и Натальи Дмитриевны Шаховской».³⁵ В начале 50-х гг. рукописями М. М. Щербатова «заинтересовался старинный знакомый обеих сестер доктор Михаил Парфенович Заболоцкий».³⁶ Д. И. Шаховской пишет о том, что «две книги рукописей Щербатова» были отправлены в Петербург М. П. Заболоцкому, старший брат которого «доставил копию записки „О повреждении нравов в России“ в Академию наук... Президент ее Блудов приказал снять копию для себя; когда этот список стал ходить по рукам в Петербурге, очевидно, была списана копия и доставлена Герцену».³⁷

В Лондоне в 1858 г. в одной книге с предисловием Искандера (А. И. Герцена) были изданы: «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радицева. Однако до последнего времени мы не располагаем точными сведениями о том, кто доставил А. И. Герцену копию рукописи М. М. Щербатова для публикации в Вольной типографии. Возможно, им был П. В. Анненков,³⁸ имевший контакты с Петербургской Академией наук.

³⁴ ИРЛИ, ф. 334, № 518, л. 1.

³⁵ Там же, л. 3.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 4.

³⁸ Эйдельман П. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, с. 8—9.

Д. И. Шаховской, оставивший ценные записки о судьбе потаенного архива М. М. Щербатова, связывал с выходом в печать восприятие известий, содержащихся в сочинениях русского историка XVIII в. В 1850-е гг., как справедливо отмечено Н. Я. Эйдельманом, «„потаенный XVIII век“ был одним из актуальных и распространенных сюжетов как в вольных, так и в подцензурных изданиях».³⁹ Но нельзя упускать из вида устойчивые традиции русской литературы, когда наряду с печатной книгой сосуществовала бесцензурная рукописная. Публицистически-острые рукописные сочинения М. М. Щербатова были известны еще до того, как они появились в печати. И. А. Желваковой установлено, что среди бумаг А. И. Михайловского-Данилевского находятся извлечения из записки М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России».⁴⁰ А. И. Михайловский-Данилевский умер в 1848 г., за несколько лет до того, как М. П. Заболоцкий получил от Н. Д. Шаховской два фолианта рукописей М. М. Щербатова, в одном из которых находилась записка «О повреждении нравов в России».

Материалы из оставшегося в «своей фамилии» архива М. М. Щербатова широко использовал его зять М. Г. Спиридов, который издал в Москве в 1793 г. «Родословной российской словарь, содержащий в себе: историческое описание родов князей и дворян российских и выезжих, откуда или от кого те роды произошли или выехали, или о которых известия нет; также какие другие роды от первых произошли, кто где тех родов служил, в каких был чинах, во что и в какие должности употребляем был, и какие услуги отечеству и государям приносил; со вложением такого же описания о служивших в древности России; также и о иностранных, в службе российской бывших». Через несколько лет, в Москве, был напечатан «Краткий исторический столбец самодержавных всероссийских государей. Сочинен и издан из разных писателей российской истории в пользу обучающегося юношества 1800 года Матвеем Спиридовым».

Говоря о потаенных семейных архивах, нельзя не учитывать фамильных традиций известных дворянских родов.

Выше упоминалось, что вторая дочь М. М. Щербатова — Праксovia — вышла замуж за Ф. П. Щербатова, своего дальнего родственника. Сам М. М. Щербатов был женат на Н. И. Щербатовой, также дальней родственнице. Родственником был и Борис Сергеевич Щербатов, купивший в 1870-х гг. у М. И. Семева рукописи М. М. Щербатова, непонятными путями попавшие к издателю «Русской старины». В 1896 г. Б. С. Щербатов по неизданным рукописям осуществил издание первого тома «Сочинений князя М. М. Щербатова» и второго тома — в 1898 г.

³⁹ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973, с. 98.

⁴⁰ Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. Кн. III. Комментарии и указатели. М., 1971, с. 108—111.

Родственником М. М. Щербатова по деду был Алексей Григорьевич Щербатов, генерал от инфантерии, московский военный губернатор, женатый на Екатерине Андреевне Вяземской, сестре известного поэта, критика и публициста, друга Пушкина, Петра Андреевича Вяземского.

У отца П. А. Вяземского — Андрея Ивановича Вяземского — была внебрачная дочь от его связи с Елизаветой Карловной Сиверс — Екатерина Андреевна Колыванова,⁴¹ ставшая в 1804 г. женою Н. М. Карамзина. Между сводными сестрами, Е. А. Щербатовой и Е. А. Карамзиной, и их братом П. А. Вяземским были добрые, родственные отношения. В 1809 г. Н. М. Карамзин писал брату Василию Михайловичу о том, что «скончалась внезапно любимая моя свояченица, княгиня Щербатова, урожденная Вяземская... Сей внезапный удар поколебал мои нервы. Я занемог почти в самую ту минуту, как сестра наша испустила дух: слез в постелью горячкою-же, и в осьмой день казался умирающим».⁴²

Из этого письма Н. М. Карамзина брату следует, что отношения его со свояченицей Е. А. Щербатовой были теплыми и близкими. Очевидно, через посредство Е. А. Щербатовой Н. М. Карамзину стала доступна рукописная записка М. М. Щербатова, хранившаяся в самом начале XIX в. у сына М. М. Щербатова — Д. М. Щербатова. Позднее, после декабристского восстания, когда внуки М. М. Щербатова — И. Д. Щербатов, М. М. Спиридов — оказались в ссылке, равно как и муж внучки Н. Д. Шаховской — Ф. П. Шаховской, тогда, по словам праправнука, историка Д. И. Шаховского, «тяжелые удары, разразившиеся над семьей (Щербатовых, — Г. М.), нарушили спокойную ее жизнь и нормальную преемственность культурных традиций».⁴³ Но в первые годы XIX в. этих «тяжелых ударов» еще не было, и рукописные сочинения М. М. Щербатова были доступны членам разросшегося рода князей Щербатовых, гордившихся своим знаменитым родственником, официальным историографом времен Екатерины II. Нет ничего удивительного в том, что Н. М. Карамзин, также получивший должность историографа, проявил интерес не только к печатным трудам М. М. Щербатова, но и к его потаенным сочинениям, ставшим доступными ему в силу свойства с Е. А. Щербатовой. Е. А. Щербатова умерла, как уже упоминалось выше, в 1809 г. Н. М. Карамзин женился на ее сводной сестре Е. А. Колывановой в 1804 г. Следовательно, родственные отношения подерживались в течение пяти лет.

Записка «О Древней и Новой России», как мы помним, была закончена Н. М. Карамзиным в декабре 1810 г., а в начале 1811 г. вручена Александру I.

⁴¹ Сиверс А. А. Генеалогические разведки. СПб., 1913, с. 145.

⁴² Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин..., ч. II, с. 59.

⁴³ Шаховской Д. И. Русский депутат XVIII века (новые материалы для биографии М. М. Щербатова). — Голос минувшего, СПб., 1908, № 11, с. 258.

Таким образом, ознакомление Н. М. Карамзина с запиской «О повреждении прав в России», острым политическим трактатом М. М. Щербатова, направленным на обличение царствовавших монархов XVIII в., произошло в промежутке между 1804 и 1809 гг.

В письме к историку Г.-Ф. Миллеру М. М. Щербатов писал 17 декабря 1772 г.: «Вот что мне приходится выносить для того, чтобы написать историю моей родины; я не знаю, выдержит ли мое здоровье все эти труды, которыми я обременен; но я убежден, что изучение истории своей страны необходимо для тех, кто правит. И те, кто освещают ее, приносят истинную пользу государству. Как бы то ни было, даже если я не буду вознагражден за мои мучения, — я надеюсь, что потомство отдаст мне справедливость».⁴⁴

Надежда М. М. Щербатова оправдалась: историк Н. М. Карамзин широко использовал в своей записке «О Древней и Новой России» его трактат «О повреждении прав в России» и ознакомил императора Александра I с его обличительным содержанием.

Судьба записки Н. М. Карамзина «О Древней и Новой России» была трагичной. Это — тема отдельной работы.

⁴⁴ ИРЛИ, ф. 334, № 514, л. 15.